

Животные в эмоциональной системе российской царской семьи и аристократии.

Научный руководитель – Шевырев Александр Павлович

Локтева Анастасия Андреевна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Исторический факультет, Кафедра истории России XIX – начала XX века, Москва, Россия

E-mail: zveruschka@yandex.ru

При работе с источниками личного происхождения российской элиты последней четверти XIX в. и вплоть до начала революции 1917 г. нередко приходится встречать упоминания о домашних разнообразных животных, которые были спутниками авторов этих документов. Характер этих упоминаний весьма любопытен: в ту эпоху разведение определенных пород домашних питомцев только зародилось, и хотя, как все английское (а первые клубы любителей собак и кошек появились в Англии), в анломанском русском высшем свете было воспринято с огромным энтузиазмом. Вторым источником живых модных аксессуаров была Франция. Но новизна явления в отсутствие структур, регулировавших бытование этих экономически бесполезных, не рабочих домашних животных привела к тому, что возникшее явление не получило своего вокабуляра, собачки назывались «французскими» или «английскими», что крайне мало говорило об их породе, а только о том, что они дороги, так как привезены из-за границы, оттуда же, откуда французские чулки, ленты и гувернантки. Так в романе «Идиот» мы находим среди перечисленных автором предметов роскоши, которые подарил Настасье Филипповне ее соблазнитель, «даже французскую собачку». Очевидно, что наличие животного в данном случае указывает на богатство дарителя и его попытку через такой предмет роскоши утвердить социальный статус своей любовницы.

Стоит отметить, что такие комнатные животные представляли собой уникальное явление, так как обычно у предмета роскоши есть высокая цена, объясняемая или сложностью его изготовления и ценностью затраченных материалов или сложностью доставки. В случае же с домашними питомцами они являют собой уникальное явление — живой предмет роскоши, не имеющий ценности, которая бы объясняла уровень его цены.

Кроме цены, был и еще один, возможно, даже более важный фактор, ставивший этих животных в уникальное положение — их владельцы находились с ними в прочнейшей эмоциональной связи, антропоморфизировали их, что даёт нам, используя методы зоопсихологии, возможность утверждать, что они включали их в состав своей семьи. Так в конце многих из писем Александра III к Марии Федоровне мы находим приписки вроде: «дети и Мира тебя тоже целуют». Мало того, исходя из уже упомянутых мной особенностей упоминания, национальной специфики использования для животных гендерно-нейтральных кличек, опускания этих кличек в тексте в принципе, становится совершенно невозможно определить вне контекста, что речь идёт о каком-то конкретном животном, и не о человеке вообще. Огромным подспорьем в этом контексте являются визуальные источники, так как на многих фотографиях, например, досуга царской семьи мы видим тех самых животных, которые, очевидно, неотлучно находились со своими владельцами, раз оказались в кадре. К примеру, спаниель Джой ездил с цесаревичем Алексеем на театр военных действий в 1916 г., а бульдог Шаляпина изображён на знаменитом портрете певца на фоне ярмарки кисти Б.Кустодиева. Сохранившийся фотографический снимок процесса работы живописца Серова над портретом Ф.Юсупова демонстрирует нам, что

художник значительно польстил любимому бульдогу князя, изобразив его в большем соответствии с утвердившимся уже в те годы стандартом этой породы, тогда как у настоящего княжеского любимца, например, были полностью висячие уши.

Таким образом, характеризуя отношения российской элиты рубежа XIX — XX вв с животными, можно отметить, что с теми из них, которые являлись не рабочими животными (охотничьи собаки, верховые лошади), а домашними питомцами (это могла быть та же охотничья собака, с которой у хозяина сложилась личная психоэмоциональная связь, выделенная им среди других гончих), у представителей высшего класса завязывалась настоящая дружба, формировалась привязанность, сходная с той, которая привела в итоге к появлению в развитых обществах всего мира кодексов прав животных, защищающих их права законов. Кроме того, насаждение вместе с модой в более бедных слоях общества идеи уважения к субъектности животного, необходимости гуманного к ним отношения, привело к росту и утверждению в России «института» домашних питомцев, когда совершенно естественным для обеспеченного человека было иметь верного четвероного друга — «Каштанка», «Дама с собачкой», таксы А.Чехова, бульдоги Ф.Шаляпина, «щен» — подпись (никнейм) В.Маяковского, «собака Качалова Джим» у С.Есенина. Настоящей кульминацией данного сюжета является рассказ А.Куприна «Белый пудель» о бедном бродячем мальчике-акробате Сереже и верном Арто. Гуманное отношение ко всем живым существам потому, что у них есть право на жизнь, в начале 1900-х гг стало и абсолютной нормой и в детской литературе и публицистике, множество историй подобного характера можно прочитать в детских хрестоматиях или журналах.